

У Фу Хэшэна в голове стоял непрерывный гул. С самого начала события развивались так стремительно, что он едва поспевал следить за ними, и до сих пор не мог до конца во всё это поверить. В итоге ситуация зашла настолько далеко, что остановить её уже не представлялось возможным, и даже он сам чувствовал, что больше не выдерживает.

Предупреждающе глянув на Лю Чэня, он произнес:

— Выяснить всё мы успеем, но давай успокойся и спроси нормально, без рукоприкладства.

Затем он снова повернулся к Фу Синьло, с недоверием глядя на маленькую девочку, внутри которой скрывалась пожилая женщина, и лишь спустя долгое время вновь обрёл голос:

— Седьмая сестрица, хватит молоть всякую чепуху! Скажи нам сейчас же, где в конце концов Чуньчунь? С ней что-то случилось? Если ты сегодня не дашь нам внятного ответа, боюсь, я и сам не смогу удержать Лю Чэня.

Фу Синьло с виду нетерпеливо скривила губы, однако Вэнь Синхэ прекрасно чувствовал, что она отчаянно дрожит — её тонкое запястье в его руке не переставая мелко тряслось. По сравнению с моментом, когда её истинную сущность только что раскрыли, сейчас она испытывала настоящий, животный страх.

— Я... я не буду разговаривать с тобой! — свирепо глядя на Лю Чэня, она приняла напыщенный вид оскорбленной до глубины души женщины. — Сяошэн, заставь этого человека отпустить меня! Пойдём отойдем в сторонку, я тебе всё тихонько расскажу.

— Я её отец! С какой стати тебе не разговаривать со мной?!

— Ха! Отец! Ты даже собственную дочь, которую растил столько лет, не узнал! У тебя ещё хватает совести называть себя отцом?!

— Да ты просто безжалостная тварь! Ради мести мне ты готова издеваться даже над собственной дочерью! Ты не человек!

Даже несмотря на то, что Вэнь Синхэ и Фу Хэшэн удерживали их с разных сторон, бывшие муж и жена принялись яростно лягаться и царапаться, грозя в любой момент сойтись врукопашную. У Линфан тоже бросилась разнимать их то с одной, то с другой стороны и чуть сама не попала под горячую руку.

Вэнь Синхэ некоторое время понаблюдав за этим представлением, а затем внезапно произнес:

— С твоей дочерью что-то случилось, верно?

Тело Фу Синьло вмиг застыло на месте, у Лю Чэня глаза едва из орбит не вылезли, а Фу Хэшэн и У Линфан, уже успевшие убедиться в способностях этого «мастера», тут же прекратили возню и наострили уши, ловя каждое слово.

— Да кто ты такой?! — завизжала Фу Синьло, заходясь мелкой дрожью. — Я с тобой не разговариваю! Сяошэн! Прикажи ему отпустить меня!

— Настоятельно рекомендую тебе немедленно сказать правду. Сейчас же, сию минуту, — холодно произвел Вэнь Синхэ. — Прошло уже восемь лет... Нет, ваша проблема уходит корнями не только в восьмилетнюю давность — скорее всего, всё началось ещё раньше. К тому же, в первый день рождения Фу Инъин ты как раз находилась в заразной стадии, иначе не передала бы заразу ей. Разумеется, и твоей дочери, которая схлопотала от тебя пощёчину, тоже было не сбежать. Спустя столько лет ты сама уже полностью восстановилась — судя по всему, вовремя прошла правильный курс лечения. Но как же твоя дочь? Лекарство, должно быть, существовало всего в одном экземпляре: сама-то ты исцелилась, а Фу Инъин еле борется за выживание. Так что насчёт твоей дочери? Она получила лечение?

Охваченная диким ужасом, Фу Синьло дрожащими губами продолжала упорствовать:

— Ты... что ты за чепуху несешь! Моя дочь за границей... у неё всё прекрасно...

Вэнь Синхэ поднял вверх прозрачный сосуд:

— В этой штуке — органы лишь одного живого существа. После утраты внутренних органов на регенерацию уходит почти десяток лет. И ты утверждаешь, что у твоей дочери всё прекрасно?

У Линфан широко распахнула глаза, забыв даже вставать между Фу Синьло и Лю Чэнем, а Фу Хэшэн в ту же секунду напрочь забыл обо всём остальном, подскочил к сестре и вцепился ей в горло со звериным оскалом:

— Так это была ты — это была ты всё это время!! Фу Синьло! Говори! Чем я перед тобой провинился?! За за что ты так искалечила мою Инъин?! Отвечай! Ну же, говори!

Фу Синьло задохнулась от удушья, но на сей раз даже У Линфан смотрела на неё со стороны ледяным взглядом, а лицо Лю Чэня так и вовсе выражало готовность разорвать её на куски. Все молча наблюдали, как её лицо начинает багроветь от нехватки воздуха.

Вэнь Синхэ даже не подумал их разнимать. Ему ещё доводилось встречать матерей, которым было настолько плевать на собственное потомство, так что сегодня он поистине расширил свой кругозор. Он лишь следил за жизненными показателями Фу Синьло, чтобы её случайно не прикончили ненароком. Что же до происходящего на его глазах самосуда... он всё-таки даосский священник, а не полицейский, ему до этого дела не было.

Наконец Фу Синьло сообразила, что дело приняло дурной оборот и за неё некому заступиться. Вся её воинственность мгновенно испарилась, и она принялась жалко хрипеть и молить о пощаде в руках Фу Хэшэна:

— Я скажу... я всё скажу... отпу... отпусти...

Фу Хэшэн ещё не до конца потерял рассудок, а потому, услышав это, нехотя разжал пальцы.

Тем не менее лицо его оставалось свирепым, а взгляд — небывало зловещим:

— Я прожил с тобой столько лет, и по одному лишь твоему слову могу отличить правду от лжи. Советую не испытывать моё терпение, иначе я не ручаюсь за последствия.

Он многозначительно покосился на Лю Чэня. Фу Синьло проследила за его взглядом и, столкнувшись с еще более мрачной и жестокой яростью Лю Чэня, затряслась всем телом так, что у неё чуть не подкосились ноги и она не рухнула на колени. Она знала, что Фу Хэшэн не шутит. Она прекрасно понимала, что и Лю Чэнь настроен предельно серьезно. Если она не скажет правду, их угрозы воплотятся в жизнь.

— Я... я всё случайно... правда, поверьте мне, я просто случайно... я вовсе не хотела...

Восемь лет назад Фу Синьло действительно поссорилась с Лю Чэнем и на время перебралась к Фу Хэшэну и У Линфан, приглядывая за Фу Инъин в течение нескольких дней.

Из-за чего же они тогда поругались с Лю Чэнем?

А дело в том, что после замужества она бросила работу и перестала где-либо трудиться, проводя дни напролет за уходом за собой, косметическими процедурами и макияжем. Её жизнь была донельзя пустой, и в конце концов она подсела на воровство. Строго говоря, в деньгах она вовсе не нуждалась: пусть постоянной работы у неё не было, но её родительская семья была весьма состоятельной, в компании младшего брата имелась её доля акций, да и муж ежемесячно выплачивал приличные деньги на карманные расходы. Чего-чего, а нужды в деньгах она не испытывала.

Чего же ей тогда не хватало?

Ей казалось, что в её жизни недостает острых ощущений. Кражи давали ей мощный прилив адреналина и чувство глубокого удовлетворения. Даже если её поймут, всё можно было уладить деньгами — это одновременно щекотало нервы и было совершенно безопасно.

Пока в один прекрасный день Лю Чэнь не взял её с собой в гости к влиятельному человеку по имени Фан Чэньюнь, у которого она и стащила картину.

Лю Чэнь с убитым видом указал на ту самую картину, которую только что рассматривал У Чжэндэ:

— Вот она.

Полотно висело в кабинете Фан Чэньюня. Сама она не находила его особенно красивым и даже не питала к нему особой симпатии — просто ей безумно хотелось утащить что-нибудь из дома столь влиятельной особы, чтобы пощекотать себе нервы. К тому же, раз картина висела на стене в кабинете безо всякой охраны, значит, ценности она не представляла, и даже если

пропажа обнаружится, хозяева вряд ли станут поднимать шум. Выбрав момент, когда никто не смотрел, она бесшумно проскользнула внутрь, ножом срезала холст с подрамника, свернула его и запихнула в сумочку.

Лю Чэнь смутно догадывался о пагубной страсти жены к воровству, но он никак не ожидал, что у неё хватит наглости стащить вещь прямо из особняка Фан Чэньюня. Лишь по возвращении домой, когда она самодовольно извлекла напоказ украденное, он онемел от ужаса, в полной мере осознав, насколько вышли из-под контроля её kleptomанские наклонности.

Первым порывом Лю Чэня было немедленно заявить в полицию, но как раз в тот период его фирма вела переговоры о крупном совместном проекте с людьми Фан Чэньюня. Если бы Фан Чэньюнь узнал, чьих это рук дело, его гнев мог в мгновение ока перечеркнуть все договоренности. Фу Синьло пригрозила мужу: если он посмеет её заложить, она заявит, что это сам Лю Чэнь подослал её добыть коммерческие секреты, а когда ничего ценного не нашлось, приказал прихватить для отвода глаз первую попавшуюся картину. В конце концов, это всего лишь холст — ей бы максимум светило несколько месяцев тюрьмы и денежный штраф, а вот многолетние труды Лю Чэня по установлению нужных связей с Фан Чэньюнем пошли бы прахом. Она посоветовала ему хорошенько подумать, прежде чем губить себя и других.

Лю Чэня от злости едва ли не трясло, и он от души отвесил ей пару звонких пощечин, чтобы выпустить пар. Но он также понимал: как бы ни складывались их отношения, в глазах окружающих они с Фу Синьло составляли единое целое. Стоило ей переложить вину на него, как он бы уже не отмылся, сколько бы ртов у него ни было. Поразмыслив о том, сколько людей присутствовало в тот день на приеме — представителей самых разных профессий и сословий, — он решил, что Фан Чэньюнь вовсе не обязательно заподозрит именно их, возможно, подумав на кого-то другого. Ухватившись за эту призрачную надежду, он стерпел унижение и не стал доносить на жену Фан Чэньюню.

Получившая несколько оплеух Фу Синьло и не думала уступать. После грандиозного скандала она бросила дочь и сбежала в родительский дом — поговаривали, помогать младшему брату нянчить детей.

Вскоре после того, как компания Лю Чэня официально подписала контракт с людьми Фан Чэньюня, один из приближенных последнего бросил на Лю Чэня странный взгляд и поинтересовался:

— Как поживает ваша уважаемая супруга?

Вопрос показался ему странным, а на совесть давил жуткий груз вины, поэтому он отделался туманными отговорками и не рискнул расспрашивать дальше. Оставшись после всего в глубокой тревоге, он всё же взял дочь и отправился к Фу Хэшэну — навестить жену, которую не видел уже почти неделю, заодно заглянув на первый день рождения племянницы.

Именно на том празднике Фу Синьло отвесила Лю Ичунь жестокую пощечину за то, что девочка украдкой съела кусок торта. Лю Чэнь, вне себя от гнева, оттащил её в укромный уголок для очередной бурной ссоры и вдобавок наградил собственной пощёчиной.

Именно эта пощёчина и позволила подросшему Фу Хэшэну наброситься на него с кулаками. Но она же помогла Лю Чэню заметить одну деталь.

Лицо Фу Синьло под толстым слоем макияжа и косметики заметно осунулось.

Всего за одну неделю кожа обвисла так, словно прошли добрых два десятка лет — при малейшем прикосновении она буквально дрожала и ходила ходуном. Он допытывался у Фу Синьло: — Ты сама не понимаешь, что с тобой происходит? — но Фу Хэшэн, который абсолютно не хотел его слушать, вытолкнул его вон.

А что же Фу Синьло? Конечно, она понимала, что с ней творится что-то неладное. Поначалу она думала, что это просто показалось, и налегла на уход за собой еще сильнее: все эти плацентарные сыворотки, уколы для отбеливания кожи — разве что до пластической операции дело не дошло, — но кожа на ее лице с каждым днем становилась все дряблее и дряблее. Словно что-то стремительно вытягивало из нее молодость.

Охваченная паникой, она уже не думала о том, станет ли Лю Чэнь с ней ругаться после ее возвращения, примчалась домой и спросила, что имел в виду муж перед уходом. Когда Лю Чэнь пересказал ей слова подчиненного Фан Чэньюня, она остолбенела.

Неужели это и есть расплата за кражу вещи у Фан Чэньюня? Каким бы могущественным ни был Фан Чэньюнь, разве мог он использовать столь нечеловеческие методы для наказания?

Но ее лицо старело день ото дня, и ее не спасали ни непрекращающийся уход, ни макияж. Безысходность заставила ее взять ту самую картину и, унижаясь изо всех сил, умолять Лю Чэня стать связующим звеном, чтобы добиться аудиенции у Фан Чэньюня.

Тогда Лю Чэнь еще испытывал к ней кое-какие чувства и не мог спокойно смотреть, как она стремительно стареет и умирает. Потратив уйму сил и забросав деньгами нужных людей, он вновь наладил связь с Фан Чэньюнем и привез Фу Синьло к нему. Сам он ехать не стал — ему было стыдно. Разумеется, впоследствии он горько пожалел о принятом тогда решении.

Фу Синьло, с картиной в руках, стояла на коленях перед Фан Чэньюнем и горько плакала, а искренние слова раскаяния лились из ее уст сплошным потоком — она панически боялась опоздать хоть на мгновение, понести ответственность и умереть в собственном доме в расцвете лет.

Фан Чэньюнь, казалось, вовсе не сердился. Он велел Фу Синьло подняться и сообщил, что существует способ ее спасти. Затем, точно так же, как и перед Вэнь Синхэ, он содрал с той на вид заурядной картины нечто прозрачное и разрезал это ножом прямо у нее на глазах. Внутри этого предмета тоже оказалась какая-то прозрачная жидкость, которая с брызгами пролилась на пол.

Он объяснил ей, что это и есть исцеляющее средство, причем дозировки хватит ровно на то, чтобы вылечить ее одну. Фан Чэньюнь спросил, не контактировала ли она близко с несовершеннолетними, помимо дочери Фу Хэшэна, поскольку эта субстанция передается несовершеннолетним через контакт со слизистой оболочкой. Если таковые имелись, лучше отдать это лекарство ребенку. Фу Синьло уже напрочь забыла про ту пощечину, которую отвесила дочери, и даже не сообразила, откуда он узнал, что дочь Фу Хэшэна тоже заразилась от нее. Она лишь отчаянно твердила: нет-нет, ничего подобного, — и, зачерпывая с пола лужицу, сунула ее себе в рот.

Когда она вышла из дома Фан Чэнъюня, ее внешность полностью восстановилась и даже стала еще моложе и красивей прежнего. Она была счастлива, но тут же вспомнила про пощечину, которую дала дочери. Тот удар привел к контакту со слизистой оболочкой рта девочки, а значит, та обязательно заразилась.

Тогда она еще не потеряла рассудок окончательно, поэтому вернулась назад, чтобы умолить Фан Чэнъюня о помощи. Но кто же знал, что ровно в тот момент, когда она переступила порог, Фан Чэнъюнь отдал приказ больше никого не принимать. Как бы она ни умоляла, даже говоря о заражении дочери, все было бесполезно — охрана у входа категорически отказывалась ее пропускать. Провозившись несколько часов, вплоть до самого вечера, она дождалась лишь секретаря Фан Чэнъюня, который спешно вышел к ней и сказал:

— Хозяин уже всё сказал: противоядие существует только в одном экземпляре. Следующего придется ждать целых десять лет. Берегите то, что уже получили.

Только тут она обнаружила, что прихватила с собой и ту злосчастную картину. Покрутившись там еще немного и поняв, что добиться ничего не удастся, она не смела задерживаться и ушла.

— И ты ушла?! На кону стояла жизнь твоей дочери, и ты вот так просто ушла?! — яростно взревел Лю Чэнь. Но на этот раз никто его не удерживал, и вся его ярость выплеснулась наружу без малейших сдерживающих рамок.

Он подскочил к ней и влепил одну пощечину за другой. От ударов у Фу Синьло искры из глаз сыпались, ее мотало из стороны в сторону, а шея едва не сломалась.

Видя, что он собирается бить дальше, Вэнь Синхэ слегка остановил его со словами:

— Дай ей сначала высказать всё до конца, а уж потом поступай с ней как знаешь.

Зажав руками распухшее лицо и обведя взглядом окружающих с одинаково холодными выражениями лиц, Фу Синьло была вынуждена продолжить.

Она смертельно боялась вернуться и во всем признаться, опасаясь гнева Лю Чэня. Воспользовавшись ситуацией, она устроила грандиозный скандал с мужем, попутно развелась, под предлогом материнских прав забрала опеку над Лю Ичунь и улетела за границу вместе с маленькой Лю Ичунь, которая еще ни о чем не догадывалась.

Она все рассчитала идеально: разве Фан Чэнъюнь не какой-то зарвавшийся нувориш с небольшими возможностями? Если уж он способен вылечить эту заразную болезнь, неужели зарубежные светила медицины не справятся? Она в это не верила...

К сожалению, практика показала, что заграничные светила медицины оказались абсолютно бесполезны.

Потому что помочь могут только инопланетные светила медицины. — заметил Вэнь Синхэ. С того самого дня, как они оказались за границей, маленькая Лю Ичунь начала стремительно расти, и с каждым днем этот процесс ускорялся. Поначалу она прибавляла по сантиметру-две за несколько дней, но вскоре началась безумная скачка роста — по несколько сантиметров в сутки. Прошло всего полгода, как она превратилась в девушку-подростка, с поразительной скоростью миновала зрелый возраст, и лишь когда она вступила в пору среднего возраста, рост наконец постепенно замедлился.

К счастью, эта странная заразная болезнь, стимулировавшая развитие, не вызвала никаких побочных эффектов, обычно сопутствующих столь стремительному росту. Ребенок даже не испытывал сильной боли — девочку пугало лишь то, как быстро она меняется.

И этот страх достиг своего апогея, когда она заметила, что по мере ее собственного бурного роста мать, напротив, с каждым днем становится всё моложе.

Побочные эффекты от принятого Фу Синьло противоядия начали давать о себе знать: она не просто вернула молодость — она молодела с каждым днем.

Какими бы темпами ни менялось тело Лю Ичунь, ее разум по-прежнему оставался разумом семи-восьмилетней девочки. Она не понимала, почему всё так обернулось: она сама старела день ото дня, а ее мать, наоборот, молодела, словно... словно она была каким-то чудовищем, высасывающим ее жизненные силы.

Лю Ичунь каждый день устраивала Фу Синьло грандиозные скандалы. Поскольку ее тело с каждым днем становилось всё взрослее, а тело Фу Синьло — всё детьми, в конце концов мать перестала ей соответствовать. Их возраст словно полностью поменялся местами, и Лю Ичунь уже могла даже замахиваться на Фу Синьло с кулаками.

Становиться с каждым днем моложе прежнего — вовсе не благо, ведь никто не знает, в какой момент этот процесс остановится. Фу Синьло каждый день до дрожи боялась, что, подобно героям какого-нибудь фильма, она постепенно превратится в младенца и в конце концов исчезнет из этого мира. В то же время издевательства со стороны Лю Ичунь причиняли ей невыносимые страдания, однако одного принципа она придерживалась неизменно: полностью оборвать любые связи Лю Ичунь с внешним миром, строго запретив ей контактировать с родственниками. Лю Ичунь оставалась ребенком, и хотя она могла одолеть Фу Синьло физически, в хитрости она все же уступала собственной матери. Самое большее, на что ее хватало — это занести кулак, но разрешить текущую проблему с помощью ума она не умела и даже не догадывалась, как найти способы связаться с отцом и дядей. Фу Синьло, будучи взрослой женщиной, быстро придумала способ заменить одну личность другой. Она связалась с Фу Хэшэном и Лю Чэнем, подражая тону своей дочери, и заявила, что та повзрослела и хочет вернуться на родину ради лучшего образования, а сама она слишком занята и не может присматривать за ребенком. Как только Лю Чэнь согласился принять дочь, она, воспользовавшись именем Лю Ичунь, заменила фотографии в документах и присвоила себе её личность. Эта авантюра стоила ей огромных денег, вплоть до того, что ей пришлось залезть в долги, и она была почти на грани банкротства.

Но всё это того стоило. Одним махом превратившись в Лю Ичунь, она вернулась в страну.

Изначально она планировала после возвращения отыскать Фан Чэньюня, чтобы тот помог решить проблемы, возникшие у неё самой и у её дочери. Однако, вернувшись и осторожно разузнав всё у Лю Чэня, она узнала, что Фан Чэньюн внезапно исчез из поля зрения ещё до её отъезда за границу. Никто не мог с ним связаться, а его корпорацией теперь управляла назначенная им администрация. Никто не знал, что именно случилось с Фан Чэньюнем, и встретиться с ним было невозможно.

В тот момент Фу Синьло была до смерти напугана и решила, что теперь ей точно конец. Но спустя долгое время она обнаружила, что с её телом не происходит никаких серьезных изменений: пугающий процесс омоложения, так сильно встревоживший её за границей, в какой-то момент прекратился. Она стала развиваться как обычная девушка: её рост перестал уменьшаться и она начала нормально расти.

Вне себя от радости, Фу Синьло позвонила за границу, чтобы узнать, как дела у дочери. Она подумала: раз с ней всё наладилось, то, возможно, и с дочерью теперь тоже всё хорошо.

Однако пожилая женщина, присматривавшая за ребенком за границей, сообщила, что Лю Ичунь исчезла на следующий же день после отъезда Фу Синьло. Не осталось ни единой зацепки, девочка просто пропала. Старушка, строго следуя полученным ранее указаниям, боялась без необходимости связываться с ней и только сейчас, дождавшись звонка от Фу Синьло, получила возможность рассказать об этом.

Когда старушка спросила, стоит ли заявить в полицию, Фу Синьло, не раздумывая, категорически отказалась. Личности её и Лю Ичунь не выдержали бы тщательной проверки. Она даже боялась представить, что с ней будет, если кто-то узнает о том, что с ними произошло.

— А дальше? Что было дальше! — в тревоге и гневе перебил её Лю Чэнь.

— А дальше... — Фу Синьло нахмурилась и с недовольством ответила: — Дальше я, разумеется, постоянно нанимала частных детективов, чтобы её найти! Как вы думаете, почему мои карманные деньги улетали так быстро? Если бы вы не проявляли такую чрезмерную бдительность, я бы тратила свои личные средства на её поиски! У меня что, сердца нет? Она моя дочь, как я могла о ней не заботиться!

Услышав этот вывод, Фу Хэшэн и Лю Чэнь одновременно издали смешок, полный злости и досады.

Действительно. Как же можно не заботиться.

<http://bllate.org/book/22512/2377349>